

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Деятельность органов военной разведки Японии против СССР в 1922–1945 гг.

© 2022

DOI: 10.31857/S013128120018449-4

Зорихин Александр Геннадьевич

Кандидат исторических наук, независимый исследователь, Ассоциация японоведов (г. Москва). ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация:

Военная разведка Японии ведет непрерывную работу по всему миру начиная с 1871 г., и Россия неизменно остается одной из главных ее целей. После завершения интервенции в 1922 г. японское правительство взяло курс на нормализацию отношений с нашей страной, в связи с чем разведывательные органы империи отслеживали мероприятия советского руководства по укреплению оборонно-экономического потенциала государства и реализации задач внешней политики на Дальнем Востоке, не проводя подрывных акций. Органам госбезопасности СССР удалось наладить передачу военной разведке Японии как центральному разведывательному органу империи, завышенных данных о состоянии Красной армии, поэтому в 1923–1931 гг. военное планирование Токио в отношении нашей страны носило оборонительный характер.

После захвата Маньчжурии в 1932 г. Япония столкнулась с наращиванием Советским Союзом своей группировки войск за Байкалом, расценивая этот факт как подготовку к вторжению в Северо-Восточный Китай. Японская разведка активизировала деятельность по сбору информации о намерениях советского руководства и занялась в 1937–1938 гг. организацией диверсионного аппарата на случай войны с СССР, однако встречные мероприятия советских органов госбезопасности сковали работу спецслужб империи в нашей стране.

После поражения на р. Халхин-Гол (1939) военно-политическое руководство Японии провело коренную реорганизацию органов военной разведки, укрепив их кадрово и сделав ставку на сбор информации техническими средствами. Благодаря поступавшим от зарубежного разведаппарата сведениям, правительство империи летом — осенью 1941 г. пришло к выводу о нецелесообразности нападения на Советский Союз. Вступление СССР в войну против милитаристской Японии в 1945 г. подвело черту под деятельностью военной разведки империи и стало прологом к ее переходу под контроль США.

Ключевые слова:

Япония, Советский Союз, Квантунская армия, разведка, агент, военная миссия.

Для цитирования:

Зорихин А.Г. Деятельность органов военной разведки Японии против СССР в 1922–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 154–161.

DOI: 10.31857/S013128120018449-4

Несмотря на поражение Японской империи во Второй мировой войне и формальный отказ Токио от содержания регулярной армии, военная разведка этой страны ведет непрерывную деятельность по всему миру с момента своего создания в 1871 г. При этом Российская Федерация занимает неизменно ведущее место среди государств, в чьи секреты японские разведорганы стремятся проникнуть уже полтора столетия. В данной статье будет рассмотрен японский опыт организации разведывательной работы на советском направлении и встречное противодействие ей отечественных спецслужб в 1922–1945 гг.

К моменту завершения японской оккупации советского Дальнего Востока осенью 1922 г. военная разведка империи представляла собой хорошо организованную многоуровневую структуру, принципы деятельности которой были заложены в конце XIX в. и апробированы в ходе Русско-японской войны. Основу зарубежного разведаппарата 2-го управления Генерального штаба Японии составляли легальные резидентуры под прикрытием военных атташатов (ВАТ) при дипломатических представительствах в Берлине, Таллине, Риге, Варшаве, Стамбуле и сеть т.н. «японских военных миссий» (ЯВМ), возвращенных на Дальнем Востоке, в Сибири, Маньчжурии и Забайкалье в 1918–1919 гг. для контроля за марионеточными белыми режимами и ведения агентурной разведки в Дальневосточной республике.

После ухода экспедиционной армии из Приморья японское правительство взяло курс на нормализацию отношений с Советским Союзом и в 1925 г. заключило двустороннее соглашение о возобновлении дипломатических и торговых контактов. Поскольку стратегической целью Японии являлся захват северо-востока Китая с дальнейшей экспансией в Юго-Восточную Азию и вытеснение оттуда Соединённых Штатов Америки, в соответствии с утвержденным в 1923 г. «Курсом национальной обороны империи» Токио стремился избежать войны с нашей страной¹. В рамках этой доктрины в 1922–1931 гг. военная разведка Японии активно участвовала в подготовке агрессии на материке, рассматривая деятельность по линии СССР как второстепенное направление и занимаясь главным образом сбором информации о военном и экономическом потенциале нашей страны, ее мероприятиях по укреплению позиций в Китае и Корее без проведения подрывных акций против Советского Союза в какой-либо форме.

Главными центрами японской военной разведки в советском приграничье до т.н. Маньчжурского инцидента (1931) являлись эвакуированные из нашей страны в 1922 г. с согласия фактического главы северо-востока Китая Чжан Цзолиня военные миссии Квантунской армии в Харбине, Маньчжоули и Хэйхэ, а также резидентура Корейской армии во Владивостоке. В своей деятельности они опирались на членов японской диаспоры в Приморье и Северной Маньчжурии, отряды белых партизан, выводимую в Забайкалье и на Дальний Восток маршрутную агентуру из китайцев, корейцев, белоэмигрантов и контрабандистов, а также на информаторов среди служащих советских дипломатических и торговых организаций в Харбине и на Китайско-Восточной железной дороге. Однако деятельность ЯВМ сковывали регулярные сокращения их штатов и недостаточное финансирование Военным министерством, массовый отток японских мигрантов с Дальнего Востока и из Забайкалья, а также разобщенность белоэмигрантских организаций в Китае. Кроме того, в 1924–1927 гг. советские органы государственной безопасности сумели перехватить линии связи Токио с владивостокским генконсульством и головной миссией в Харбине, в силу чего японская военная разведка лишилась большей части своих агентурных позиций в Приморье и Приамурье².

Хотя командование Квантунской армии дважды — в 1924 и 1927 гг. — пыталось заручиться согласием Военного министерства на расширение разведаппарата в Советском Союзе за счет организации легальных резидентур на Дальнем Востоке, в Сибири и Забайкалье под прикрытием японских дипломатических и торговых представительств, вплоть до 1932 г. правительство уклонялось от реализации каких-либо предложений по усилению разведки на материке, опасаясь возможных дипломатических осложнений в случае разоблачения ее агентуры.

В целях расширения источников получения достоверной информации о СССР японская военная разведка наладила в 1919–1923 гг. тесное взаимодействие с Генштабами Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, Франции и Германии, которые, как пола-

1. Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-3 (С14061002700), л. 0010–0012.
2. Куртинец С.А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931) // *Вестник ДВО РАН*. 2011. № 1. С. 28–35.

гали в Токио, имели надежные агентурные позиции в СССР. Особенно плотные контакты 2-е управление Генштаба Японии установило со 2-м (разведывательным) отделом польского Генерального штаба: поступающая к нему из Варшавы информация касалась характера боевых действий советских войск против Добровольческой и польской армий, организации, дислокации и боеготовности Красной армии в европейской части Советского Союза, социально-экономического и политического положения СССР. Однако советские органы госбезопасности заблаговременно перехватили разведывательные каналы подавляющего большинства западных спецслужб, поэтому в 1922–1925 гг. передавали японцам специально подготовленную дезинформацию, содержащую завышенные данные о численности личного состава, танкового и авиационного парков Красной армии, что, по замыслу советского руководства, должно было удержать Токио от нападения на нашу страну³.

Ситуация не изменилась и после учреждения в 1925 г. легальной резидентуры под прикрытием военного атташата при посольстве Японии в Москве. Практически сразу ее личный состав попал под плотное наружное наблюдение, шифропереписка военного атташе с 1927 г. перехватывалась и читалась Спецотделом Объединённого государственного политического управления, из его сейфа регулярно изымалась служебная документация, почта посольства и ВАТ перлюстрировалась при перевозке через Советский Союз, к сотрудникам была подведена агентура из военнослужащих Красной армии и лиц женского пола⁴.

Не оправдала себя и ставка японской военной разведки на использование разведчиков под видом транзитных путешественников или стажеров русского языка, что широко практиковалось ею накануне Русско-японской войны и в межвоенный период (1906–1916). В 1927 г. советское правительство перекрыло этот канал поступления разведывательной информации, ограничив пребывание японских офицеров в СССР их стажировкой в воинских частях на условиях взаимного прикомандирования советских военнослужащих к японской армии. Первые стажеры — капитаны Хорикэ Кадзумаро и Мияно Масатоси, прикомандированные к 3-му артиллерийскому и 151-му стрелковому полкам в Севастополе и Одессе, прибыли в Советский Союз в 1930 г.⁵

Со всей очевидностью недостатки в организации зарубежного разведаппарата в СССР открылись Генштабу Японии во время советско-китайского конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 г. Московская резидентура черпала сведения из открытых печатных изданий, бесед с официальными представителями Наркоматов иностранных дел и по военным и морским делам и сообщений польского военного атташе. Военные миссии в Северной Маньчжурии не имели постоянных агентурных позиций в Приморье и Забайкалье, поэтому получали информацию от маршрутных агентов, дезертиров, командования китайских войск, пассажиров и проводников КВЖД. В ходе конфликта миссия в Маньчжоули утратила связь с Харбином, что привело к задержкам в получении Токио информации о развитии обстановки на 2–3 дня.

Тем не менее, советско-китайский конфликт 1929 г. позволил японской военной разведке оценить уровень боевой подготовки Красной армии, превзошедший царский период. Последующий анализ, проведенный 2-м управлением Генштаба, выявил техническое отставание Японии от СССР в насыщенности Вооружённых сил танковой и авиационной техникой, средствами ведения химической войны, в том числе на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Доклады харбинской миссии и легальных резидентур в Европе и Азии также свидетельствовали о целенаправленном расширении Москвой сферы влия-

3. РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 99, л. 490–500.

4. Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: Олма-пресс образование, 2002. С. 427–428; Просветов И.В. «Крестный отец» Штирлица. М.: Вече, 2015. С. 79–80; Кириченко А.А. Японская разведка против СССР. М.: Вече, 2016. С. 57–59.

5. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 8, л. 50.

ния на КВЖД и о дестабилизации её обстановки в Маньчжурии и Китае. Поэтому военно-политическое руководство империи исходило из прогнозов органов военной разведки о высокой вероятности вторжения Красной армии в Северную Маньчжурию и в 1923–1931 гг. ежегодно утверждало планы обороны на северном и западном направлениях Маньчжурского театра, предусматривавшие одновременное нанесение контрудара по Южно-Уссурийскому краю, встречное сражение в районе Цицикара и последующий перенос боевых действий через Хинган в Забайкалье⁶.

Выход японской армии к советским границам в результате захвата Маньчжурии в 1931 г. спровоцировал резкий рост численности Красной армии на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Хотя Советский Союз наращивал группировку войск на востоке страны исключительно в оборонительных целях, военно-политическое руководство Японии считало, что Москва готовится отторгнуть Маньчжурию и помешать реализации континентальной политики Токио, поэтому с 1932 г. резко усилило свою разведывательную деятельность на советском направлении.

В 1932–1935 гг. численность зарубежного разведаппарата Генштаба Японии под прикрытием военных атташатов и консульств в СССР и приграничных с ним странах выросла с 12 до 25 сотрудников. Ежегодно в воинских частях Красной армии стажировались 3–4 японских офицера. Оперативная разведка целиком сосредоточилась в руках Квантунской армии, а сеть ее ЯВМ увеличилась вчетверо. Кроме того, в 1933 г. объединение развернуло несколько радиоразведывательных пунктов вдоль советско-маньчжурской границы и с помощью польских специалистов начало чтение советской шифропереписки⁷. В дополнение в 1934 г. Квантунская армия консолидировала всю белую эмиграцию на северо-востоке Китая под эгидой «Бюро по делам российских эмигрантов», а в 1936–1938 гг. сформировала на ее базе диверсионно-разведывательный отряд «Асано» для действий на территории Дальнего Востока и Забайкалья.

Также японской разведкой предпринимались попытки сколотить агентурно-диверсионные группы из украинских и кавказских националистов в Европе и на Ближнем Востоке, для чего в 1930–1935 гг. она установила конспиративные отношения с лидерами эмигрантских организаций в Турции, Польше, Германии и Франции: с главой Русского национального союза участников войны А.В. Туркулом, бывшим военным министром Азербайджанской республики Хосровбеком Султановым, внуком имама Шамиля Саидом Шамилем, представителем крымских татар Джафером Саидом Ахмедом, представителями тюрко-татарской эмиграции М.Я. Бигеевым и Гаязом Исхаки, бывшим полковником грузинской военной разведки Р.К. Мкурнали, видным деятелем грузинской эмиграции в Берлине Ш.А. Карумидзе, идеологом создания Кавказской конфедерации Гайдаром Бамматом, членами правительства Украинской Народной Республики в изгнании профессором Р.С. Смаль-Стоцким и генералом В.П. Сальским, бывшим главой прогерманского правительства Украины гетманом П.П. Скоропадским, а также с руководством Организации украинских националистов.

Кроме того, в 1937 г. 2-е управление Генштаба Японии заключило соглашение с немецкой военной разведкой (абвером) о создании к 1941 г. широкой сети разведывательно-диверсионных резидентур в Закавказье, Причерноморье и на Северном Кавказе для уничтожения советских нефтедобывающих предприятий и срыва морских перевозок по Чёрному морю в начальный период войны⁸.

Хотя советские погранвойска и органы госбезопасности успешно блокировали широкое агентурное проникновение японской военной разведки в СССР, 2-е управление

6. Архив НИИО МНО Японии. Мансю дзэмпан-1 (С13010000600), л. 0021–0023; Бунко-Миядзаки-5 (С14061003500), л. 0031–0033.

7. Национальный архив Японии. Хэнсэки-01002000 (А03032000400), л. 627; Архив НИИО МНО Японии. Мансю дзэмпан-364 (С13010229400), л. 1174, 1185–1186.

8. Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-32 (С14061021200), л. 1887–1896.

Генштаба, комбинируя методы оперативной деятельности — заброску маршрутных агентов, отправку офицеров разведки под прикрытием должностей дискурьеров, обработку печатных изданий, опрос перебежчиков и мигрантов, сопоставление материалов от дружественных спецорганов и перехват зашифрованного радиообмена Красной армии, в целом имело правильное представление о дислокации войск Особой Краснознамённой Дальневосточной армии и пропускной способности Транссибирской магистрали. Однако с 1931 г. оно начало недооценивать численность парка советской боевой авиации и танковой техники в 1,5–2,8 раза⁹.

В связи со вскрытым японской военной разведкой усилением группировки советских войск за Байкалом в первой половине тридцатых годов, в 1936 г. Токио скорректировал «Курс национальной обороны империи» в сторону включения Москвы в число главных противников, однако, зная о подавляющем превосходстве Красной армии в людских ресурсах и наступательных вооружениях, провозгласил в «Основных принципах национальной политики» (1936) стратегию сохранения дружбы с СССР^{10, 11}.

В силу целого ряда причин во второй половине тридцатых годов военная разведка Японии столкнулась с серьезными трудностями в организации агентурной работы в СССР. В приграничных районах Дальнего Востока и Забайкалья был введен строгий контроль за пребыванием посторонних лиц, проведена тотальная паспортизация, усилена техническая и агентурная охрана границы, центральные и территориальные органы госбезопасности внедрили свою агентуру в разведывательные подразделения Квантунской и Корейской армий¹². Агентурная работа московской резидентуры была скована тотальным наблюдением за ее сотрудниками, выемкой дипломатической почты и дешифровкой радиопереписки военного атташе. Кроме того, в 1937–1938 гг. советское правительство выселило все корейское население из Приморского края и ликвидировало японские консульства в Одессе, Хабаровске и Новосибирске, что, вопреки утвердившейся точке зрения, было вызвано не столько чистками общества от политически опасных течений, сколько реально существовавшей угрозой агентурного и легализованного проникновения японской военной разведки на объекты ее устремлений¹³.

Отрицательное влияние на деятельность японских разведывательных органов также оказывал комплекс накопившихся к середине тридцатых годов внутренних проблем. Во-первых, в системе 2-го управления отсутствовали Центральная разведывательная школа Генерального штаба и Школа агентурных разведчиков Квантунской армии, в которых бы велась целенаправленная подготовка кадров. Во-вторых, агентура имела недостаточно надежные легализационные документы, устаревшую советскую экипировку, не использовала портативную приемо-передающую радиоаппаратуру. В-третьих, ядро агентурного аппарата оперативной разведки составляли китайцы и корейцы, которые после массовых депортаций этих национальностей с советского Дальнего Востока испытывали серьезные проблемы с легализацией.

Прямым следствием недочетов в деятельности военной разведки стало поражение японской армии в сражении на р. Халхин-Гол (1939). Советские органы госбезопасности сумели довести до командования Квантунской армии по каналу «Хатокутё» через

9. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 186, л. 93–94.

10. Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-10 (С14061005100).

11. Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989. С. 211–212.

12. Чернулицкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des études slaves*. LXXI/1. 1999. С. 17–33; Органы государственной безопасности СССР. Т. 1. Накануне. Книга 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М.: АО «Книга и бизнес», 1995. С. 40–41, 46; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 176.

13. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 121–123.

харбинское генконсульство фальсифицированную информацию о неготовности 1-й армейской группы к проведению наступательных операций. Японской специальной радио-разведке не удалось взломать стойкие шифры, использовавшиеся на линии связи «армейская группа — Генштаб». 2-й отдел штаба Квантунской армии вместо анализа поступавшей разведывательной информации занимался решением административных вопросов, а харбинская миссия не имела полномочий для координации деятельности всех разведорганов на халхингольском направлении^{14, 15}.

Поэтому в 1940–1941 гг. военно-политическое руководство Японии провело комплекс реформ по усилению деятельности разведорганов армии против СССР. На базе харбинской военной миссии было развернуто Информационно-разведывательное управление (ИРУ), которое взяло на себя руководство вопросами организации агентурной разведки, подготовки кадров разведчиков и диверсантов, в связи со значительно увеличенными в штатах легальными резидентурами в Чите и Благовещенске. За 2-м отделом штаба Квантунской армии осталась функция анализа развединформации. Для взлома советской шифрованной переписки японскими военными атташе в Хельсинки, Берлине и Будапеште было налажено беспрецедентное по своим масштабам сотрудничество с дешифровальными органами стран фашистского блока. Кроме того, после поражения Польши и присоединения стран Прибалтики к СССР ВАТ в Финляндии, Швеции, Германии и Румынии взяли под свой контроль польскую и эстонскую разведывательные сети в нашей стране.

Несмотря на репрессии 1937–1938 гг., советские органы госбезопасности продолжали эффективно противодействовать японской военной разведке. В дополнение к регулярному чтению шифропереписки японских военных атташе в Европе, тотальному наблюдению за установленными сотрудниками легальных резидентур в нашей стране, увеличению плотности и технической оснащенности охраны границы с Маньчжурией в Наркомате внутренних дел (НКВД) СССР с 1938 г. начала действовать сеть станций радиоконтрразведки, которая эффективно контролировала эфир в приграничных районах, пресекая работу радиофицированных резидентур противника, а в 1939–1940 гг. Управление НКВД по Приморскому краю сорвало попытку японской военной разведки восстановить свою агентурную базу на Дальнем Востоке под видом корейской революционной организации Ли Хайчена¹⁶.

Оценивая весь объем имеющихся материалов, можно утверждать, что военная разведка Японии была одним из инициаторов нормализации отношений между нашими странами в апреле 1941 г. и той последней инстанцией, которая удержала руководство империи от нападения на СССР осенью 1941 — весной 1942 гг. Постоянно поступающая в Токио информация военной разведки свидетельствовала о сохранявшихся у Советского Союза возможностях к сопротивлению фашистской агрессии, намерении его правительства вести войну до победы, наличии за Байкалом достаточной группировки войск для отражения японской агрессии. В целях обеспечения непрерывности и устойчивости поступления разведывательных данных Военное министерство Японии значительно усилило в 1941–1945 гг. свои дешифровальные органы в Центре и на континенте, которые добывали до 90 % сведений, кадрово и финансово укрепило разведцентры в Берлине, Стокгольме и Хельсинки, развернуло сеть разведывательных школ при ИРУ Квантунской армии, а с 1944 г. начало формирование в Маньчжурии диверсионно-разведывательных групп и партизанских отрядов на случай возможного нападения СССР.

14. Архив НИИО МНО Японии. Мансю-дзэмпан-364 (С13010229500), л. 1192–1201.

15. *Coox, Alvin D.* *Nomonhan: Japan against Russia, 1939.* Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 1016.

16. *Тужилин С.В.* «Провокаторы»: тайная война на Дальнем Востоке (конец 1930-х — начало 1940-х гг.) // *Проблемы Дальнего Востока.* 2011. № 3. С. 134–138.

Несмотря на отсутствие у японской военной разведки надежных агентурных позиций в центральных органах государственного и военного управления СССР, она своевременно вскрыла переброску советских резервов с запада на восток весной — летом 1945 г., правильно определила возможные варианты проведения наступательной операции войсками Дальневосточного и Забайкальского фронтов в Маньчжурии, однако ошиблась на месяц с оценкой даты начала войны. Уже в ходе скоротечной Маньчжурской кампании разведорганы японской армии не сумели наладить поступление достоверных сведений о противнике и развернуть в его тылу партизанские действия в силу комплекса мер, проведенных пограничными войсками НКВД, Главным управлением контрразведки «Смерш» Наркомата обороны и территориальными управлениями Наркомата государственной безопасности¹⁷.

Литература

- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013.
- Кириченко А.А. Японская разведка против СССР. М.: Вече, 2016.
- Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989.
- Куртинец С.А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931) // *Вестник ДВО РАН*. 2011. № 1.
- Органы государственной безопасности СССР. Т. 1. Накануне. Книга 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М.: АО «Книга и бизнес», 1995.
- Органы государственной безопасности СССР во Второй Мировой войне. Победа над Японией: Сборник документов. М.: Фонд «Связь эпох», Кучково поле, 2020.
- Просветов И.В. «Крестный отец» Штирлица. М.: Вече, 2015.
- Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: Олма-пресс образование, 2002.
- Тужилин С.В. «Провокаторы»: тайная война на Дальнем Востоке (конец 1930-х — начало 1940-х гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 3.
- Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des études slaves*. LXXI/1. 1999.
- Cooh, Alvin D. *Nomonhan: Japan against Russia, 1939*. Stanford: Stanford University Press, 1990.

MILITARY BUILD-UP

The Activity of Japanese Military Intelligence against the USSR in 1922–1945

Alexander G Zorikhin

Ph.D. (History), independent researcher, Association of Japanologists (Moscow). ORCID: 0000-0001-7361-7237. E-mail: tsunami77@rambler.ru.

Received 10.01.2022.

Abstract:

Japan's military intelligence has been continuously working around the world since 1871, and Russia has always remained one of its main goals. After the end of the intervention in 1922, the Japanese government took a course to normalize relations with our country, in connection with which the intelligence agencies of the empire monitored the activities of the Soviet leadership to strengthen the defense and economic potential of the state and the implementation of foreign policy objectives in the Far East, without conducting subversive actions. The USSR state security agencies managed to arrange the transfer of inflated data on the state of the Red Army to the Japanese military intelligence, as the central intelligence agency of the empire, therefore, in 1923–1931, Tokyo's military planning against our country was defensive in nature.

17. Подробнее см.: Органы государственной безопасности СССР во Второй Мировой войне. Победа над Японией: Сборник документов. М.: Фонд «Связь эпох», Кучково поле, 2020.

After the capture of Manchuria in 1932, Japan faced the Soviet Union's buildup of its troops beyond Lake Baikal, regarding this fact as preparation for an invasion of Northeast China. Japanese intelligence intensified its activities to collect information about the intentions of the Soviet leadership and engaged in the organization of a sabotage apparatus in the event of a war with the USSR in 1937–1938, however, counter measures of the Soviet state security bodies hampered the work of the empire's special services in our country.

After the defeat on the Khalkhin-Gol river (1939), the military-political leadership of Japan carried out a radical reorganization of the military intelligence agencies, strengthening their personnel and betting on the collection of information by technical means. Thanks to the information received from the foreign intelligence apparatus, the government of the Empire in the summer and autumn of 1941 came to the conclusion that it was inappropriate to attack the Soviet Union. The entry of the USSR into the war against militaristic Japan in 1945 drew a line under the activities of the empire's military intelligence and became a prologue to its transition to US control.

Key words:

Japan, Soviet Union, Kwantung army, intelligence, agent, military mission.

For citation:

Zorikhin A.G. The Activity of Japanese Military Intelligence against the USSR in 1922–1945 // Far Eastern Studies. 2022. No. 1. Pp. 154–161. DOI: 10.31857/S013128120018449-4

References

- Chernoluckaya E.N.* Pasportizaciya dal'nevostochnogo naseleniya (1933–1934) [Certification of the Far Eastern population (1933–1934)]. *Revue des études slaves*. LXXI/1. 1999. (In Russ.)
- Coox, Alvin D.* Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Kirichenko A.A.* Yaponskaya razvedka protiv SSSR [Japanese intelligence against the USSR]. Moscow: Veche, 2016. (In Russ.)
- Koshkin A.A.* Krah strategii «speloj hurmy»: Voennaya politika Yaponii v otnoshenii SSSR, 1931–1945 gg. [The collapse of the "ripe persimmon" Strategy: Japan's Military Policy towards the USSR, 1931–1945]. Moscow: Mysl', 1989. (In Russ.)
- Kurtinets S.A.* Razvedyvatel'naya deyatel'nost' yaponskih konsul'stv na sovetskom Dal'nem Vostoke (1922–1931) [Intelligence activities of Japanese Consulates in the Soviet Far East (1922–1931)]. *Vestnik DVO RAN*. 2011. № 1. (In Russ.)
- Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR. Tom 1. Nakanune. Kniga 1 (noyabr' 1938 g. — dekabr' 1940 g.) [State security agencies of the USSR. Volume 1. The day before. Book 1 (November 1938 — December 1940)]. Moscow: AO «Kniga i biznes», 1995. (In Russ.)
- Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR vo Vtoroj Mirovoj vojne. Pobeda nad Yaponiej: Sbornik dokumentov [State security agencies of the USSR in World War II. Victory over Japan: A collection of documents]. Moscow: Fond «Svyaz' epoh», Kuchkovo pole, 2020. (In Russ.)
- Prosvetov I.V.* «Kryostnyj otec» Shtirlitsa [The "Godfather" of Stirlitz]. Moscow: Veche, 2015. (In Russ.)
- Soboleva T.A.* Istoriya shifroval'nogo dela v Rossii [The history of encryption in Russia]. Moscow: Olma-press obrazovanie, 2002. (In Russ.)
- Tuzhilin S.V.* «Provokatory»: tajnaya vojna na Dal'nem Vostoke (konec 1930-h — nachalo 1940-h gg.) ["Provocateurs": the Secret War in the Far East (late 1930s — early 1940s)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2011. № 3. (In Russ.)
- Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 6. Tajnaya vojna. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. Vol. 6. The Secret War. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War]. Moscow: Kuchkovo pole, 2013. (In Russ.)